

7.2. ПОСЛЕДСТВИЯ ЛАГЕРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Мы давно просим включить нас в первоочередной план переселения, ибо... задыхаемся от недостатка рабочей и гужевой силы на лесозаготовках и в промышленности... Мы ставим этот вопрос потому, что этого требует задача усиления лесного экспорта.

С.Бергвинов, из выступления на XV съезде ВКП (б)

Проблема освоения, колонизации Севера не была новой, ее разрешению были посвящены многие специальные работы ⁴⁶. Подробный проект, как поднять Северный край до того положения, чтобы в нем "... разлилось благосостояние и чтобы не с севера на юг, а с юга на север стремился народ искать хлеба и работы", предложил еще во второй половине XIX века известный предприниматель и писатель М. Сидоров ⁴⁷.

Это был человек с широким кругозором, и, в частности, его суждение о том, что "у России есть возможность заплатить долг, который лежит на всяком историческом народе - облегчить для европейских народов сообщение с Китаем", остается актуальным и по сей день.

Описывая условия жизни людей в Приполярье, М. Сидоров отмечал, что государство обязано уделять больше внимания северянам. Будучи человеком предприимчивым, он считал, что правительству не нужно сводить заботу о северянах только к обеспечению их продовольствием. Эти жители, - пишет он, - посылали еще в 1801 году депутатов к императрице Марии Федоровне "для ходатайства им труда вместо хлеба".

Небезынтересны и проекты заселения Севера в книге М. Сидорова. Места для заселения он подразделяет на несколько категорий. В первую входят все приморские

берега Северного океана, заливы, бухты, устья рек и острова в заливах и морях от границы Норвегии до р. Пясиной, за Енисейским заливом. Во вторую - гавани, доки и верфи. В третью - пути почтовые и пароходные, почты и телеграфы. В четвертую - заводы и фабрики.

В каждую из этих территорий Сидоров предполагал поселить различные категории местного и приезжего населения. Колонисты со своими семьями, по его мнению, должны были освобождаться, со времени водворения их в колониях, от всех государственных податей и повинностей и от рекрутской очереди... Им выдается от казны ссуда холостому 50 рублей, семейному от 100 до 150 рублей на условиях возврата в течение шести лет. В течение 20 лет пользование лесом без попенных денег на постройки, отопление и другие домашние надобности⁴⁸.

Были и другие различные предложения по колонизации края. Одновременно, как совершенно справедливо замечает архангельский историк В. Коротаев, "... пока в "верхах" дискутировали..., происходила вольная крестьянская колонизация"⁴⁹, особенно в 20-е годы. Однако никто из серьезных теоретиков и практиков освоения северных территорий не думал о разворачивании настолько массовой депортации людей на Север. Эксплуатация подневольного труда не рассматривалась как важная хозяйственная задача.

В изменении характера и масштабов тюремно-лагерной системы государства в наибольшей степени проявилась сущность перелома, происходившего на рубеже 20-30-х годов. В апреле 1928 года министр юстиции РСФСР Янсон, нарком внутренних дел РСФСР Толмачев и зампред ОГПУ Ягода предложили перейти "от системы ныне действующих мест заключения к системе концлагерей, образованных по типу лагерей ОГПУ"⁵⁰.

Политбюро ЦК ВКП (б) поддержало инициативу силовиков и обязало расширить существующие и организовать новые лагеря с целью колонизации отдаленных территорий и использования "природных богатств путем применения труда лишенных свободы"⁵¹.

Уже 9 мая 1929 года члены оргкомитета Северного края получают секретную депешу по вопросу "О пятилетнем плане развития лесного хозяйства и лесной промышленности Европейской части Севера РСФСР"⁵². В октябре Экономический Совет РСФСР конкретизирует задачу о "необходимости использовать в 1929-1930 годах труд заключенных: Карело-Мурманскому краю - 5000 человек; Северному краю - 5000; Уралу - 5000..."⁵³.

Для Северного края задача не из легких, так как наличие уже имеющихся 2256 заключенных (срочных, следственных, пересыльных) в 2-3 раза превышает норму, что вело "к вспышкам сыпного тифа в Архангельске и Вологде"⁵⁴. В январе 1930 года в крае узнают о "намеченных мерах в отношении обезвреживания кулачества, высылки кулаков и появления в тюрьмах новых групп заключенных". С этой целью производится "разгрузка мест заключения": в Архангельске было освобождено 135 человек, в Вологде - 1183, Великом Устюге - 61⁵⁵.

Очень скоро станет ясно, что это капля в многотысячном людском потоке бесправных "колонизаторов" Севера. В первых числах февраля Совнарком РСФСР срочно телеграфом требует сообщить: "... связи с известной операцией колонизации края (подчеркнуто в документе. - С.Ш.) ваши практические соображения местах расселения, способы решения жилищного вопроса, снабжения, характере метода организационной работы, расчеты, источники покрытия расходов"⁵⁶.

Ответная телеграмма, ушедшая в Москву 4 февраля, была по-казенному суха:

“В край прибывает 70 тысяч семейств, общим количеством 350 тысяч человек (через месяц цифры поднимут до 75 семей и 375 человек. - С.Ш.). Расселяются постоянное жительство Архангельском округе - 150 тысяч, Вологодском - 50 тыс., Северо-Двинском - 47, 5, Няндомском - 42, 5, области Коми - 60 тысяч. Сроки приема четыре месяца, начиная с 15 февраля, 3-5 эшелонов в сутки.

Мере прибытия, разгрузки эшелонов трудоспособная мужская часть населения партиями 500-1000 человек под конвоем, используются местах лесозаготовок, сплаве, постройке поселков. Остальные нетрудоспособные члены семейств - 280 тысяч до открытия навигации размещаются временно приспособленных помещениях: монастырях, церквях, бараках, складах - 74 тысяч человек; строящихся вновь 1360 бараках шалашного типа местах разгрузки эшелонов - 206 тысяч человек (по моим нехитрым подсчетам - по 151. 5 человека в шалаш. - С.Ш.)

Каждые десять бараков строится хлебопекарня и склад-распределитель, на каждые 20 бараков один изолятор на случай эпидемии. Строительству бараков приступлено с расчетом закончить постройку 1 апреля. Строительство определено 5 миллионов рублей. Строительство лесными материалами обеспечивается крае, стекло, железо, кирпич необходимо срочно обеспечить центра.

Нормы снабжения установлены: хлеба -200-300 г. в день; картофеля - 3 кг., крупы - 500 г., капусты - 300 г. на человека в месяц.

Работающие лесозаготовках, сплаве, постройке поселков снабжаются нормами адмвысланных. Крайторгу поручено срочно дать заявку потребность хлебофуража, стройматериала Наркомторгу. Крайзу дано задание недельный срок разработать план расселения, пе-

рестроить, укрепить работниками переселенческий аппарат.

Запроектированные центре 15 тысяч лошадей обязательно должны прибыть одновременно выселяемыми для отправки места имущества выселяемых, также подвозке стройматериалов. Местного транспорта, связи лесозаготовками нет.

Одновременно выселяемыми командировать врачей, фельдшеров, обеспечить медикаментами. Обеспечения барачков необходим срочный отпуск средств (карандашом надписано: 5 млн. - С.Ш.) присылки руководящих строительных кадров, желательна рота солдат. Предкрайисполкома Бахутов”⁵⁷.

Все это было и невыполнимо, и не выполнялось. Ведь дело касалось врагов народа, их судьба была заложена на алтарь социализма в угаре начавшейся сплошной коллективизации. Для Севера спецпереселенцы являлись бесправной дармовой рабочей силой, заменившей кампанию “планового в порядке добровольности переселения”, которая официально была прекращена постановлением крайисполкома в конце февраля 1930 года⁵⁸.

Когда уже в ходе начавшегося поступления раскулаченных семей отдел здравоохранения совместно с местным ОГПУ обратился в севкрайисполком: “... в срочном порядке выделить 25 тысяч рублей на оборудование санбарачков, карантинного барака, амбулаторных пунктов для пересыльных”, в просьбе было отказано⁵⁹. Зато в самый разгар переселенческого неустройства малый президиум крайисполкома “отпустил 30 тысяч рублей из непредвиденных расходов на обслуживание медицинской помощью ответственных работников”⁶⁰.

Положение большинства спецпереселенцев с первых дней было отчаянным. Февраль, лютые морозы, метели, и в это время, с 4 февраля по 15 апреля, в Северный

край прибыло более 45 тысяч семей⁶¹. За период с 1 марта по 10 апреля “прибыло 39486 семей, в количестве 197060 человек, из них взрослых - 124019, детей до 16 лет 73041..., 30 % пропущенных через больницу детей умирает”. 4 сентября 1930 года ПП ОГПУ сообщает, что в Северный край прибыло: “кулаков-переселенцев - 261232 человек, адмссылных - 32396, всего -293628; умерло -12511, отправлено на родину -36707, направлено на лесозаводы (раскулаченных) -12425 человек. На лицо на 1. 09. 1930 кулаков-переселенцев - 199589 человек, административно-высланных - 32396, ВСЕГО (так в документе. - С.Ш.) - 231985”⁶².

Ситуация усугублялась невниманием к нуждам переселенцев несогласованностью местных органов власти. Только 19 марта председателя крайплана М. Цетлина освобождают от командировки на лесозаготовки, вводят в тройку по проведению раскулачивания и обязывают “... в пятидневный срок подготовить расчеты необходимых средств по освоению кулаками новых земель и по их использованию в леспромхозах и на промыслах, для представления в соответствующие наркоматы”⁶³.

Тем не менее в докладной от 12 апреля на имя другого члена тройки по организации переселения - Шайрона сообщалось, что строительство поселков приостановилось... Причина - категорическое распоряжение Яковлева (Северолес). Передавать строительство райисполкомам, ГПУ, - пишет автор докладной, - значит сорвать строительство. Райисполкомы не подготовлены, не имеют для этой цели специальных аппаратов. Денег на строительство нет. Строительство надо поручить леспромхозам. “Снабжение товарами, продуктами скверное... Обуви, кожтоваров, махорки переселенцам нет. Трудовые на местах расселения половину босые. Это взвинчивает настроение...”⁶⁴.

16 апреля в окрисполкомы за подписью Комиссарова уходят телеграммы: "27 апреля созываем совещание вопросам водворения кулачества... Представителям ОИК захватить с собой наметки точек расселения, необходимости транспортных средств, нахождения на местах строительных материалов, возможности использования рабсилы, наметки договоров"⁶⁵. И это в условиях, когда уже сотни тысяч людей завезены в край.

В тот же день под давлением наркома НКВД РСФСР В. Толмачева, находящегося в Северном крае, предкрайисполкома телеграфирует Микояну: "До сих пор кулаки, высланные наш край имели свои продукты, питание, денежные средства оплаты, выдаваемых им продуктов, теперь большинства денег, продуктов нет... Создалось чрезвычайное тяжелое положение, усугубляющее без того значительные трудности. Просим Вашего вмешательства, внесения ясности немедленного разрешения вопроса. Комиссаров, крайторготд-Бердничевский"⁶⁶.

Только 18 апреля в Лешуконское, Котлас, Вожегу, Пинегу, Семеновское... поступают телеграммы из Северолеса: "Правление Треста взяло на себя расселение, устройство, использование переселенцев, расселяемых территории наших леспромхозов, заключением специального договора использование их работах треста течение трех-пяти лет... Леспромхозы должны организовать устройство строительство поселков. 25 апреля Крайисполкоме совещание этому вопросу. Проработайте оргмероприятия... без ущерба основной работе"⁶⁷.

"Взвинченность" обстановки доходит до Москвы. В апреле 1930 года в Северном крае работала комиссия в составе С.Бергавинова (председатель), Толмачева (Наркома внутренних дел РСФСР), Еремина (Наркомюст), Тучкова (ГПУ), которой ЦК ВКП (б) поручил на месте разобраться в ситуации со спецпереселенцами.

Ее деятельность лишний раз подтверждает, что сталинский "великий перелом" не был безоговорочно поддержан руководством партии и страны. Вот и в данной ситуации московские представители проявили поразительную принципиальность. Разъехавшись по округам Северного края, они с помощью местных чиновников сумели охватить проверкой 23360 семей из 46261, высланных на середину апреля 1930 года⁶⁸.

Проверка вскрыла ужасающую картину попрания законов в отношении административно высланных как по прежнему месту жительства, так и по новому месту их пребывания. Уже само соотношение: 36 тысяч работоспособных, отправленных в разные места на работу, и 122 тысячи неработоспособных, размещенных в бараках-шалашах "по линии железной дороги Вологда-Архангельск и Вятка-Котлас", свидетельствует не о колонизационных задачах Севера, а об уничтожении людей, ликвидации кулачества как класса. Именно так охарактеризовал положение спецпереселенцев нарком внутренних дел РСФСР В. Толмачев:

"ЖУТЬ ! Да, да! Можно подумать, что этих людей привезли сюда только для того, чтобы здесь поскорее закопать их в землю!... Самым коренным и острым вопросом является жилищный вопрос. Люди размещены в 750 бараках, наскоро состряпанных из жердей. Теснота невероятная, есть места, где на человека приходится 1/10 кв. метра площади при постройке нар в несколько этажей (кубатура меньше гробовой). Полы в бараках нет, крыша сделана из жердей и слегка присыпана тающей и осыпающейся землей. Температура не выше 4 градусов, как правило, вшивость. При скверном питании, а для многих при почти полном его отсутствии, создается колоссальная заболеваемость и такая же смертность среди детей. С наступлением полной весны земля

в бараках растает (многие стоят на болотистой местности), сверху потечет и ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ ИХ СЛИПНЕТСЯ В ГРЯЗНЫЙ ЗАЖИВО ГНИЮЩИЙ КОМОК (выделено в тексте документа. - С.Ш.) “69.

Обсуждение итогов работы “Комиссии ЦК по проверке неправильно высланных бедняков и середняков под рубрикой кулаков” приобрело достаточно острый характер. Главный спор разгорелся по поводу процента неправильно высланных, который “местами доходил до 60”. Таблица о рассмотренных заявлениях высланных кулацких семей окружными подкомиссиями была подготовлена в следующем виде:

Откуда выслано	Неправ. высл.		Правиль. высл.		Сомнительн.		Итого
	Коллч.	%	Коллч.	%	Коллч.	%	
Украина	943	9	8644	82, 4	908	8, 6	10195
Нижн. -Волж. край	321	9, 2	2720	77, 6	462	13, 2	3503
Центр. -Черн. обл.	751	16, 5	2888	63	938	20, 5	4577
Средн. -Волж. край	192	6, 1	2614	82, 8	349	11, 1	3155
Белоруссия	134	8, 3	1290	79, 1	206	12, 6	1620

Раскулаченных правильно было признано 77, 7%, неправильно - 10 и сомнительных - 12, 3%⁷⁰.

Однако секретарь севкрайкома С.Бергавинов, опираясь на поддержку высшего партийного руководства, на правах председателя комиссии “снизил” показатели в итоговом протоколе до 6% неправильно высланных и 10 - сомнительных⁷¹.

Против этих показателей проголосовали Толмачев и Еремин, настаивавшие как минимум на цифрах, обозначенных в таблице. Кроме того, они считали необходимым неправильно высланных и сомнительных, в случае подтверждения допущенных ошибок, “восстановить в их хозяйстве, политических правах” и предоставить возможность “желающим вернуться на родину”⁷².

По настоянию председателя комиссии на родину разрешили вернуться лишь тем из 6%, кто являлись “уча-

стниками гражданской войны, имели революционные услуги, а также красным партизанам и семьям, члены которых служат в Красной армии. Остальных... расселить в Северном крае... как вольных граждан". Судьба "сомнительных" была оставлена в руках ОГПУ⁷³.

И в данном случае Сергей Адамович, проявив свою природную изворотливость, не только сумел выйти сухим из воды, но и обвинил москвичей в мягкотелости и правом уклоне. В записке в Политбюро, которую он отправил неделю спустя, Бергавинов искусно выводит из-под удара Сталина, представляя ошибки раскулачивания "не массовыми явлениями, не огромными перегибами", на чем настаивали Толмачев и Еремин, а всего лишь "случаями"⁷⁴.

"У Толмачева и плетущегося за ним Еремина не только либеральный подход, а нечто большее, которое не укрепляет позиции партии в этом поистине историческом деле (а не "операций", как говорит Толмачев) ликвидации кулачества"⁷⁵. Поразительное иезуитство демонстрирует С.Бергавинов и здесь, расставляя акценты, казалось бы, таким нехитрым графическим приемом, как подчеркивание.

Следствием подобных наветов стала скорая расправа над принципиальным членом комиссии, наркомом внутренних дел РСФСР В. Толмачевым, которого направлял в Архангельск уже известный читателю председатель СНК России С.И. Сырцов. Они были друзьями-единомышленниками, предупреждавшими об опасности "увлечения хозяйственных организаций невзыскательной рабочей силой заключенных"⁷⁶.

Сталин в письме В. Молотову в сентябре 1930 года обоих поминает недобрым словом, назвав министра НКВД РСФСР В. Толмачева "прогнившим насквозь". Почти в одно время, в декабре 1930, завершилась их карьера, оба позднее были расстреляны⁷⁷.

Решение о продовольственном снабжении кулаков-переселенцев специальной комиссией СНК СССР Шмидта было принято лишь 22 июня 1930 года. В Северном крае было израсходовано на эти цели по линии потребкооперации 6470155 рублей ⁷⁸, вернули их краю лишь полтора года спустя.

25 июня президиум крайисполкома “доводит до сведения СНК СССР и РСФСР, ... что разрешение в центральных органах вопросов, связанных с расселением и хозяйственным обустройством спецпереселенцев (высланных кулаков) приняло недопустимо затяжной характер”⁷⁹.

Вот как складывалась, например, обстановка со снабжением продовольствием спецпереселенцев Северного края на 7 июля 1930 года⁸⁰.

Вид продовольствия	Потребность	Выделено центром	Получено
Мука ржаная	28097	17403	8608 (30%)
Крупа	2436	1674	810 (33)
Рыба	8899	4060	1000 (11)
Соль	2376	280	280 (12)
Лук	1584	122	122 (8)
Масло (раст.)	302	373	184 (61)
Сахар	865	570	300 (35)
Чай	327	120	120 (37)
Картофель	15289	225	225 (1, 5)
Капуста	8406	915	675 (8)
Мыло	176	120	20 (11)
Овес	7017	8088	свед. нет.

Из всего перечня необходимого продовольствия центр выделил по потребности лишь овса для лошадей. Не лучше относились к делу и краевые органы. Во всяком случае, в докладных местного ОГПУ оно характеризуется “... крайне небрежным, а иногда и преступным”. К 10 июля, как следует из правительственной телеграммы “... строительство поселков выполнено средним на

1-1, 5%... Снабжение не налажено, медпомощь хромает, есть случаи участках цынги, брюшного, сыпного тифа. Райисполкомы, сельсоветы, леспромхозы достаточных мер расселению не принимали. Бегство строительства участков продолжается в большом размере: Уктыме было 541, бежало - 403, Панты 768/638, Ягвеле - 687/479. Других районах аналогично. Снабжение одеждой, обувью, прочим исключительно скверно. Производительность труда мизерная. Краев. перес. упр. Казаков, Окружком Басин”⁸¹.

В другой справке отмечалось, что хозяйственные организации отнеслись к обустройству переселенцев “без всякого внимания, поселки отводились без всяких перспектив на развитие”, жилье и хозпостройки возводились временного типа и были мало пригодны для жилья, культурно-массовая работа “по переделке психологии людей” в крае была поставлена плохо, рабочая сила использовалась не полностью, краевые организации слабо руководили, не были выделены лица, отвечающие за работу со спепереселенцами ⁸².

В докладе “О результатах обследования положения детей спецпереселенцев”, произведенного членом президиума деткомиссии при ВЦИК тов. Моргуновым М. И., от 7 августа 1930 года отмечается, что “в поселке “Макаръиха” пригорода Котласа в 170 бараках разновременно находилось около 45 тысяч спецпереселенцев, до 16 лет не менее 50%. Урдомская церковь небольшая по своему размеру, а между тем проживающих в ней переселенцев насчитывается 660 человек, которые живут в густо скученном состоянии и без вентиляции. В г. Яренске и его окрестностях размещено до 2000 семейств (свыше 8000 душ). В самом Яренске, имеющем 1600 душ местного населения, размещено до 6000 душ спецпереселенцев”⁸³.

Государство не просто лишило свободы и собствен-

ности спецпереселенцев, оно делало все для того, чтобы кулачество “не поднялось” за счет своего трудолюбия и на Севере. В середине 1930 года СНК СССР принял постановление “О принципах расчетов спецпереселенцев (высланных кулаков) с государством по расходам, связанным с переброской, хозяйственным обустройством их в местах постоянного водворения”.

Согласно этому документу перевозка, питание в пути обеспечивались за счет “безвозмездных ссуд государства”. А расходы на строительство, суммы на приобретение рабочего и продуктивного скота, суммы на приобретение инвентаря подлежали возвращению. “Все имущество поселков (постройки, скот, инвентарь) до окончательного погашения государственных затрат находится в залоге у государства. Для погашения возвратных ссуд от зарплаты удерживается 25% в государственный доход”⁸⁴.

Законы о социальном страховании на выселенных не распространялись⁸⁵. Заработок спецпереселенцев составлял от 60 копеек до 1, 5 рублей и только покрывал расходы на питание работника и семьи, причем работающим нередко заработная плата не выдавалась по 6-8 месяцев⁸⁶. Нормы оплаты труда спецпереселенцев и местных кулаков на лесозаготовках 1930/31 года были понижены на 25%, “точно так же выделяется продовольствие,... на биржевых и заводских работах на 50% меньше по сравнению с нормой рабочих. Кулакам питание выдавалось только при условии выполнения нормы выработки”⁸⁷.

Безработным ссыльным и ссыльным, “не могущим работать вследствие болезненного состояния или преклонного возраста, хлебный паек даже в самом минимальном виде зачастую не выдается”, - докладывало территориальное отделение ОГПУ в краевые органы⁸⁸.

Лагерная колонизация способствовала оттоку законопослушных людей, работающих на Севере на постоянной и сезонной основе. "По имеющимся в ПП ОГПУ сведениям, - говорится в докладной на имя первых руководителей края весной 1930 года, - за последнее время из Няндомского округа наблюдается массовый уход рабочей силы в Ленинградскую область, на Урал и Волгу. Так, например, в Ленинград выбыло из Кенорецкого сельсовета 130 человек, Сайковского - 90 чел., Лукинского - 80, Федовского - 100, из Мошинского - 36 человек. Из Мехреньского, Кимского, Воедозерского, Канакшенского сельсоветов на Волгу и Урал выбыло до 2500 человек... Вербовка по округу сплавщиков и сезонно-строительных рабочих протекает в крайнем напряжении"⁸⁹.

Летом вездесущие гэдэушники фиксируют утечку сезонных рабочих в угрожающих размерах, в особенности погрузчиков с лесозаводов. "В Онежском порту с отгрузкой лесозэкспортного материала создано катастрофическое положение. В порт прибыло 16 иностранных пароходов. Работой обеспечены только 10, недостает погрузчиков 310, стивидоров - 216, переборщиков - 200 человек"⁹⁰.

В августе Совет народных комиссаров РСФСР вынужден был принять специальное постановление "О мерах по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области"⁹¹. Для руководства работой по выселению и расселению кулаков постановлениями Политбюро от 20 февраля и 11 марта 1931 года была создана специальная Комиссия ЦК ВКП (б) по переселенцам. В состав комиссии входили А. Андреев (председатель), Г. Г. Ягода и П. П. Постышев. 5 октября 1931 года вместо Андреева был назначен Я. Э. Рудзутак⁹².

Можно говорить о том, что насильственная бесчело-

вечная депортация спецпереселенцев не только не способствовала цивилизованной колонизации, но и тормозила, извращая ее сущность. Вполне логичным выглядит в этой связи передача с середины 1931 года спецпереселенцев в ведение ГУЛАГа (Главного Управления Лагерей). Понятно, что положение к лучшему не менялось. Рискованное это было дело заниматься всерьез проблемами “врагов народа” в условиях, когда их искали среди “своих”.

“Если кулаки помещаются, - сообщает райинструктор Вожегодского района т. Макарова, - то значит им ни бани, ни сушилок, ничего не надо. На Явенгской подвесной дороге такой случай был. Там человек до 150 живет административно высланных в одном месте. Этот барак находится на расстоянии 8-9 км. от бани, и люди в течение 2-3 месяцев не были в бане и на них столько вшей ползает, что хоть веником сметай”⁹³.

Безопаснее было просто фиксировать ситуацию, что и делало руководство краевого ОГПУ:

“11 мая 1933 года. Совершенно секретно. ЦК ВКП(б) Тов. Сталину (так в документе. - С.Ш.). Дорогой тов. Сталин. К настоящему времени в ведении трестов лесной промышленности края находится 34827 семейств спецпереселенцев (120170 человек), из которых 18650 взрослых нетрудоспособных и 41610 детей до 16 лет... Все переселенцы размещены в 201 спецпоселке, вновь отстроенных в лесной глуши, в необжитых местах, расчетом преимущественно использования рабсилы переселенцев на лесозаготовках. Ряд спецпоселков уже стали на ноги.... Однако в значительной части поселков картина иная. В этих поселках отмечается голодовка, высокая смертность (особенно детей). В пищу идут всевозможные суррогаты, к хлебу примешиваются опилки, мох, кора, иногда употребляют павших животных. Отмечены даже отдельные случаи людоедства... Убыль

людей с момента водворения: бежало из лагерей 59635 человек, задержано - 16203, вернулось 4305. Умерло с 1. 01 по 1. 05 1932г. - 1390, с 1. 01 по 1. 05 1933г. - 4840 человек⁹⁴. Только в Коми области население спецпоселков с июня 1932 по июнь 1933 года упало с 38103 до 28 тысяч человек⁹⁵.

Среди спецпереселенцев нередки случаи эпидемий. Так, сообщая об эпидемии сыпняка в Няндомском районе, органы ОГПУ жалуются в краевые органы на то, что районные организации "к санитарному обслуживанию спецпереселенцев мер никаких не принимали. Бани на поселках работают слабо, вошебойки совсем не работают (вошебойки подчеркнуты автором. - С.Ш) ". Да что там санитарное состояние, если в районных Советах отказывали спецпереселенцам порой даже в питании⁹⁶.

"Отсутствие элементарного сочувствия со стороны властей накапливало в душе людей злобу, лишало их надежды, омрачало их сознание. Они постоянно ощущали внутренний ничем не заглушаемый протест"⁹⁷, - пишет один из самых авторитетных исследователей судьбы спецпереселенцев на Севере А. Шабанова. И с ней трудно не согласиться.

На 1 января 1934 года в непосредственном ведении ГУЛАГа находилось 14 крупных исправительно-трудовых лагерей и Вайгачская экспедиция. Наиболее крупными были Беломорско-Балтийский комбинат, Ухтинско-Печорский трест. Численность заключенных непосредственно в лагерях СССР в это время составляла 510309 человек без учета находившихся в пути, а через год перевалила за миллион. Кроме того, даровая трудовая армия насчитывала в своих рядах около полутора миллионов переселенцев⁹⁸.

У руководящих краевых и районных органов в условиях этой бесовщины "ликвидации кулачества как

класса” отношение к “врагам народа” нередко переносилось и на местное население. Редакция “Крестьянской газеты” получает “массу писем из разных районов Северного края” о неблагоприятном положении крестьян, складывающемся на лесозаготовках в начале 1935 года. Например, селькор из Плесецкого района С.Турчасова пишет: “Нашему колхозу дали план по лесозаготовкам 10000 кубометров. чтобы выполнить этот план, мы должны послать в лес 100 человек, а у нас нашлось во всем колхозе только 25”.

“Нет людей, - сообщает каргопольский крестьянин из колхоза “Завет Ильича”. - Все, которые могут держать топор, направлены на лесозаготовки. В колхозе остались слабые и старые. Молотьба затянулась, хлеб поедают мыши, колхозники дошли до того, что не имеют ни одежды, ни хлеба. За один год сменилось пять председателей. Редакция “Крестьянской газеты” не раз писала об этом в райзо, прокуратуру, райком, но ответа не получала”. Подобные письма идут из Грязовецкого, Шенкурского районов, редакция газеты “просит как можно скорее сообщить о принятых мерах”⁹⁹.

Какие могут быть приняты меры, если еще “не добиты остатки классового врага, - пишет местный журнал “Советы Севера”, -... которые делают все, чтобы напасть на нас,... только в нескольких сельсоветах Усть-Цилемского района Коми области избиратели недавно вычистили из своих составов около 15 человек, примазавшихся кулаков и бывших белогвардейцев. Вопрос классовой бдительности должен быть поставлен как головной. Не болтовней, не общими разговорами, а конкретной борьбой с классовой борьбой (так в тексте. - С.Ш.) на каждом участке, умением разоблачать лицо врага и его разлагающую работу - мы обеспечим окончательное уничтожение классового врага”¹⁰⁰.

Несмотря на то, что 27 мая 1934 года постановлени-

ем ЦИК СССР спецпереселенцы были восстановлены в гражданских правах, однако права на выезд с мест поселения они не получили, так как уже были включены в систему административно трудовой армии¹⁰¹. Дефицит рабочей силы в Северном крае стал ощущаться по мере вымирания спецпереселенцев (информация о которых отправлялась в Москву вплоть до 1943 года, до тех пор, пока их место не заняли эвакуированные¹⁰²).

Недостаток рабочих компенсировался какое-то время оргнабором сезонников в пределах 50 тысяч ежегодно¹⁰³. Однако "гулаговский наркотик" оказался настолько сильным, что напрашивался новый виток массового террора. Во второй половине 1937 года последовала новая небывалая волна репрессий, а с ней - новый поток "колонизаторов"-заключенных на Север. Еще около 60 тысячам спецпереселенцев, по преимуществу полякам, суждено будет повторить такую же судьбу в 1940 году¹⁰⁴.

Лесозаготовительные лагеря НКВД Каргопольский, Онежский, Кулойский покрывали теперь уже Архангельскую область. Кроме лесных, "на голом месте" формируются Архангельский, Ягринский, Воркутинский промышленные лагеря, Северный железнодорожный (Котлас-Воркута). К началу войны в местах лишения свободы находилось около 2350000 человек. На 1 января 1937 года по численности заключенных Северный край уступал только трем регионам: Ленинградской, Московской и Челябинской областям, два года спустя Архангельская область вышла по количеству зэков на второе (после Ленинградской) место по СССР¹⁰⁵.

Не только начальство развращалось в процессе этого произвола. "Творцами" его в конце концов вынужденно становились многие рядовые северяне, мобилизованные в систему борьбы с "врагами народа". Интересные суждения на этот счет оставил безвременно ушедший из жиз-

ни талантливый историк В. А. Митин. Его экспозиция в Архангельском краеведческом музее “Даешь социализм”, научные и газетные публикации имели одной из задач раскрыть влияние произвола, царившего по отношению к переселенцам, а позднее к узникам ГУЛАГа, на население региона.

“Как мог вести себя в той ситуации сельский пинежский парень, - пишет В. Митин, - только что оставивший несладкую жизнь в деревне? Страна - сплошной военный лагерь, а он, как ему внушают, на передовой линии жестокой схватки. Ему доверена изоляция тех, кто мешает строить новую жизнь для таких, как он. Его призывают проявлять решительность и беспощадность - могли он ее не проявлять?... Это сыграло не последнюю роль в создании атмосферы своеволия и беззакония”¹⁰⁶. Убедительно сказано.

Не избежала издержек эпохи и часть интеллигенции. Вполне в духе времени выглядят услуги, предлагаемые по своей инициативе заведующим архивным бюро Фоминым президиуму севкрайисполкома в феврале 1931 года для поиска врагов народа.

Архивный чиновник пишет в краевые органы письмо, в котором предлагает активнее использовать служащих архива в выявлении “бывших людей”, так или иначе связанных с прежней властью, - “особенно тех, что сумели пролезть в наши управленческие, хозяйственные и другие организации (часть их пролезла даже в партию) “.

“Данная работа, - пишет Фомин, - облегчается тем, что в наших руках сосредоточены главнейшие материалы, характеризующие деятельность и участие в контрреволюции тех или иных лиц. Но в этих материалах без надлежащего подбора и приведения в порядок разобраться трудно и значительная часть контрреволюционного

элемента может быть необнаруженной. Чтобы этого не было, все нужные архивные материалы следует привести в порядок, в определенную систему. Справочная работа по этим материалам нами ведется по запросам и случайному выявлению, но этого недостаточно. Материал должен быть тщательно систематизированным с разработкой карточной системы учета, тогда возможно будет своевременное выявление контрреволюционных элементов". К письму приложена смета, из которой следует, что именной указатель объемом "150 важнейших дел" будет содержать ни много ни мало 18 тысяч человек, а стоимость работы оценена в 2810 рублей. Естественно, что такая инициатива была одобрена и профинансирована¹⁰⁷.

Доносительство становилось одним из методов выживания низов и верхов. Так, например, второй секретарь Коми областного комитета партии Ф. И. Булышев, снятый с работы в апреле 1937 года и оставленный в живых, по приезду в Сыктывкар в благодарность "за мягкость наказания" тоже рвется в архивы для поиска врагов народа. И когда местное руководство, опасаясь разоблачений в свой адрес, не дало разрешения на работу с документами под интересным предлогом "... разоблачай тех, кого знаешь на память", Федор Иванович пытался через Севкрайком добиться разрешения искать врагов народа не только на память, а и опираясь на документы¹⁰⁸.